

Десев
у камина

№20

22.05.07

Содержание Рубрики

От редакции	<u>3</u>
Наши друзья	
И это все о ней. 100х100	<u>9</u>
Поэтический Абсент	<u>33</u>
Благодарности	<u>35</u>

Проза

Анна Арбатова	Одинокое сердце	<u>4</u>
Тас-Аксу	Дура!	<u>17</u>
Валентина Демидова-Кайма	Спасибо тебе, милый, что ушел!	<u>20</u>
Вадим Сазонов	Приворот	<u>26</u>

Стихи

Валентин Акуленко	Она была	<u>6</u>
Виктор Пересмешник	Верность. Почти романс	<u>6</u>
Вера Пешкина	Падает теплый снег	<u>8</u>
	Беспечность	<u>8</u>
	***	<u>8</u>
Натали Зеленоглазая	Кофе с корицей	<u>15</u>
	Ты меня потерял	<u>15</u>
	Расскажи, кто она...	<u>16</u>
Наталья Эткеева	Мама. Даша. Вера	<u>23</u>
	Стареющая Ассоль	<u>24</u>
	***	<u>24</u>

Рисунка

Ainippra Malakion

Обложка, 7, 14, 19, 25, 32

Здравствуйте, дорогие читатели!

Верность и не_верность — темы вечные, как сам человек, как любовь, как... Ведь эти две сестры, родные, хотя и такие разные, всегда идут рядом с любовью. Потому и пишут о них часто и много. И практически каждый...

Вот и решили мы собрать под одной обложкой тексты о верности и измене. Как раз подошло время для тематического номера и вот, перед вами 20 номер газеты «Беседы у камина». Вас ждут тексты о вечной любви и боли, о радости и счастье, о детях, мужьях и женах... Обо всем, что вытекает из верности и не_верности.

Кроме текстов, объединенных общей темой, вас ждет рубрика «Наши друзья», в которой на это раз представлены работы, участвовавшие в конкурсе «И это все о ней. 100х100». Подробнее о конкурсе читайте в рубрике «Наши друзья».

Рисунки для номера предоставлены чудесной художницей Ainiira Malakion, работы которой не раз уже появлялись на страничках нашего издания. Кстати, многие из рисунков, попавших в этот номер, косвенно также соответствуют теме номера.

Приятного чтения!

Всегда ваша, редакция БУКа!

Теплым летним вечером в уютном кафе у окна сидела молодая красивая девушка. Она заметно нервничала и смотрела на часы. Глядя на себя в маленькое круглое зеркальце, она поправляла светлые волнистые волосы и беспокойно оглядывалась на входную дверь, кого-то ожидая. Этот "кто-то" явно опаздывал. Тонкими изящными пальцами она теребила обручальное колечко на правой руке.

Спустя некоторое время напротив нее сел высокий мужчина в строгом костюме. Небрежно бросив кожаный кейс себе под ноги, он недовольно посмотрел на часы, потом на девушку. Похоже, что он заехал в кафе по пути с работы и хотел побыстрее закончить это неприятное свидание. Блондинка махнула рукой, подзывая официанта, но мужчина решительно покачал головой, всем своим видом показывая, что задерживаться он не собирается.

Нахмутив брови, он откинулся на спинку стула и решительно перешел к делу. Девушка слушала сидящего напротив мужчину, и лицо ее было бледным. Судя по тому, как сразу потухли ее глаза и опустились плечи, мужчина говорит ей что-то очень неприятное. Она молчала, ее нижняя губа слегка подрагивала, выдавая растерянность и душевную боль.

Закончив говорить, мужчина снял с правой руки золотое обручальное кольцо и положил его в пустой бокал, стоящий на столе. Кольцо звякнуло, ударившись о стекло, слегка качнулось и замерло на дне бокала. Мужчина встал, поднял с пола кейс, и, не оборачиваясь, направился к выходу.

Девушка долго сидела неподвижно и смотрела на широкое золотое кольцо. Она словно застыла от холода, сковавшего ее сердце, и навсегда изменившего ее внутри. Тепло уходило из ее души тихо и безвозвратно. Пройдут годы. Она будет жить, душевная рана затянется, но это будет уже другая женщина: опытная, недоверчивая, осторожная и замкнутая.

Глубоко вздохнув, блондинка закрыла глаза, удерживая подступающую влагу. Теперь она не будет лить слезы — снежные королевы не умеют плакать. Молодая женщина медленно сняла с тонкого пальца свое обручальное кольцо и положила его в бокал. Два обручальных кольца прижались друг к другу, поблескивая в неярком вечернем свете. Теперь они никому не нужны.

Легким взмахом руки молодая женщина подозвала официанта и заказала бутылку шампанского. Наполнив бокал игристой жидкостью, она придвинула

его к себе. Стенки бокала запотели от холодного вина, и капельки влаги, похожие на слезы, медленно поползли вниз по гладкой поверхности стекла. Выпрямив спину, она глубоко вздохнула и медленно выпила вино. Когда бокал опустел, она перевернула его. Кольца, скользя по стеклу, оказались на белой скатерти стола. Затем, женщина вновь наполнила бокал вином и задумчиво вздохнула.

Вокруг ходили люди, звучала негромкая музыка, а молодая женщина никого не замечала. Она тихо сидела, глядя перед собой, и маленькими глотками пила вино. Щеки ее были сухими, глаза смотрели спокойно и отрешенно. Но глубоко внутри она плакала. Ее слезы никто не видел, но они были, и их было много.

Подозвав к столику официанта, она попросила его включить свою любимую композицию. Молодой мужчина кивнул головой и отошел. Красивая мелодия наполнила немногочисленное кафе. Женщина сидела неподвижно, полностью погрузившись в свои невеселые мысли. С кем она прощалась, задумчиво глядя перед собой? Со своим прошлым, в котором у нее была семья, любимый человек, надежды и планы на будущее? Или она прощалась с наивной и доверчивой девочкой, которая уже не вернется?

Поздно вечером молодая женщина вышла из опустевшего кафе и, не торопясь, побрела по широкому проспекту. Медленно гасли огни большого города, и гул автомобилей становился все тише. Сегодня она никуда не спешила, дома ее никто не ждал. Пальцы правой руки женщина сжала в кулачок. В теплой ладони согревались два обручальных кольца. Маленькое колечко уютно спряталось внутри большого. Они снова были вместе...

Одинокое сердце. Есть ли научное название у этой болезни? Вы скажете, что такого заболевания нет. Тогда почему мы испытываем боль?

Почему тихо уходит радость из нашей жизни, когда мы чувствуем себя одинокими? Может быть потому, что нам не с кем ею поделиться?

Валентин Акуленко

Она была

Она была — весенняя пчела,
Жужжала тихо что-то мне на ушко.
Что, мол, жила, любила и ждала,
Пока гремели взрывы, били пушки.

Она была — невинна и мила,
В моих объятьях — ласковой и нежной.
Она была... Но только лишь была!
Ведь расставанье стало неизбежным...

В её глазах увидел зло и боль,
В её улыбке лицезрел усмешку.
В её судьбе свою сыграл я роль,
Она в ответ пожертвовала пешкой...

Пройдут года, я с ней увижусь вновь,
И вспомню о причинах той разлуки...
И как сжимали юную любовь,
Мои влюблённые мужские руки.

Виктор Пересмешник

Верность. Поэти романс

Я жил мечтой о Вас,
Серебряная Фея.
Я в блеске Ваших глаз
Свою судьбу читал.
С другими Вас не раз
Я видел, и смелея,
Ждал: мой наступит час!..
А он не наступал.

Я был готов страдать
И все снести невзгоды,
Чтобы хоть раз познать
И Вашей страсти пыл.
Я мог о Вас мечтать,
Но уходили годы.
Свой час устал я ждать,
А он не наступил...

Вот вы прошли в саду,
Своих внучат лаская,
Кивнув мне на ходу
Седой головой...
Всё кануло в лету,
Ушло, исчезло,
знаю,
А я всё жду и жду
Неведомо чего...

Господи, сорок лет назад
это казалось шуткой!

ainiffa.ru

Автор рисунка: Ainiffa Malakion

Вера Пешкина

Падает тёплый снег

Дети любви, мы уснём в
твоих мягких лапах.

NP

Сомкнуты две зимы.
Свидимся на неделе...
Движимы еле-еле,
Замкнуты в пробках мы.

Пишем друг другу в раз.
Надо остановиться.
Ближние будут злиться
И ненавидеть нас.

Видишь, во всех домах
Ртутью сигналият ёлки.
Выстрелом из двустволки
Слышим удар в часах.
Наши касанья колки.
Крошатся тени с век.
В просини новогодней
С выси большой господней
Падает тёплый снег.

В центр города мчатся, как в центр боли.
Ждать коротеньких встреч часами и сутками.
Что поделаешь — осень.
А взять что ли, и на солнечный юг полететь с утками!

Там сжимается воздух пружинистым комом,
Там с утёсов ныряют почти афродитами,
Там я буду слоняться тропинками витыми
И махать пароходам, как старым знакомым.

Успокоюсь, чтоб с морем закатным слиться
И не думать, глотая холодный квас,
Что у нас ничего никуда не годится.
Да и нет никаких нас.

Беспечность

Недопитый бокал мартини.
Откровения рвутся в вечность.
Нет стеснения и в помине,
Лишь беспечность.

Без пятнадцати воскресенье
Ты раздвинешь диван пошире.
Ни малейшего нет сомненья
В этом мире.

Даже небо, что ляжет тканью,
Будто простынь с узором млечным,
Нам покажется по незнанию
Бесконечным.

Мы как дети: совсем забыто,
Что на завтра нас Бог рассудит...
Гаснет вечер, и дверь закрыта.
Будь что будет.

Опустевший бокал мартини.
Откровенья сорвались в вечность.
Нет стеснения и в помине,
Лишь беспечность.

Рубрика «Наши друзья»

Журнал Времена Года

Конкурс «И это все о ней. 100х100» - интересный и яркий проект. От авторов требовалось написать небольшие рассказы, размером ровно в 100 слов, ни меньше, ни больше. К участию принимались как отдельные рассказы, так и сборники из нескольких рассказов, максимум 5. Победителей выбирали сами авторы, а также читатели.

Кирилл Соколин

Уходя, уходи

Он запомнил, как она уходила прочь под медленно кружащимся снегом. Уходила навсегда, так и не обернувшись, а он ждал, не отводя глаз, пока она не исчезла в мартовской метели.

Он навсегда запомнил бы тот вечер, тот март, и весь тот год, что он просыпался рядом с ней. Запомнил бы её улыбку, длинные ресницы, тонкие пальцы и маленькие уши со щербинкой; её запах, смех и бархатную кожу. Он искал бы её, или кого-нибудь, кто хоть чем-то напоминал бы её.

Он бы всегда любил только её и помнил бы каждое мгновение того короткого года,... если бы она не вернулась на следующее утро.

Евгения Козачек

Она

Бомонд города в выходные дни устремлялся на набережную, чтобы снова увидеть женщину-тайну!

Элегантность, красота, царственность, словно магнитом притягивали глаза мужчин, которые устремлялись душой и телом к изгибам её лебединой шеи, мягким, красивым линиям фигуры, плавным движениям рук, большим карим глазам, алым чувственным губам

Шла мимо восхищённых мужчин, завистливых взглядов женщин, оставляя шлейф тонкого аромата Clive Christian №1.

Дома снимала шляпу от Treacy, костюм от Valentino, туфли от Bigioni. Она могла позволить себе такую роскошь.

А утром прохожие одаривали подаянием пожилую женщину в чёрном платке и чёрных очках.

Никто не смог узнать в ней вчерашнюю даму-тайну.

Но это была она!

Алиса Евселевская

В ожидание танца

Раздались первые аккорды медленного вальса. Невысокая, худенькая и совсем неприметная за пределами сцены, Наташа вся подобралась, как львица готовая к прыжку. Она стояла возле тяжелой занавеси, ждала когда закончится вступление и музыка унесет ее с собой. Слегка опущенные плечи расправились и приподнялись. Руки заняв необходимую позицию застыли в ожидании взлета. На лице появилась необходимая для сцены улыбка, глаза начали светиться, брови изогнулись дугой, подбородок устремился вверх и тихая скромная девушка превратилась в королеву с высоко поднятой головой и великолепной фигурой. Еще миг и глаза всех зрителей будут устремлены на Наташу, будут восхищаться ею и сохранят в памяти образ танцующей королевы.

Валентина Ковалевич

Минуты вдохновения

На белоснежном альбомной листе он карандашом выводил линии. И эти плавные линии дополняя друг друга соединяясь, пересекаясь, переплетаясь. Он рисовал обрывки своих снов, фрагменты фантазий и впечатлений. В его руке карандаш вырисовывал и запечатлевал женские черты лица и изящный силуэт... Эта незнакомка смотрела на него, то застенчиво, то задумчиво, то заигрывающее... А он, рисуя её, задавался вопросами и желал, чтобы она была.

Он надеялся, что однажды её встретит.

Она быстро записывала ноты в тетрадь, слыша в своём сердце волнующую мелодию. Её изящные пальцы коснулись чёрно-белых клавиш и чарующая музыка полилась... В минуты вдохновения она осознавала, что обязательно встретит одинокого художника.

Томяр Хамзин

Буду кфаток... (сборник)

Кошкина мать

Так называли её наши соседи, недовольные тем, что каждый день она приходила к нашему дому с сумками и подкармливала бездомных кошек из подвала.

— Скоро в свиней вырастут, а мы будем в свинарнике жить! Она смотрела виновато, молчала, но всё же приходила снова. Женщина она была не бедная, одевалась чисто и приносила кошкам даже Вискас и Китикэт.

Однажды соседи с седьмого этажа во время пьяной ссоры стали швырять в окно банки с

соленьями. Одна из банок попала Кошкиной матери в голову. Её увезли в больницу.

Про неё забыли, но через месяц я увидел Кошкину мать с пакетами в окружении довольных кошек.

Птичий грипп

Опять звонит! До чего несносная женщина!

— Я приеду?

— Я же говорю у меня грипп, температура тридцать восемь и три!

— Так это же самая подходящая температура для этого дела!

Ещё издевается, цитирует свою любимую героиню!

Но вдруг вспомнил запах её духов, мягкие волосы, плотное, упругое тело...

— Приезжай...

Всё как и в прошлый раз, устоять не смог.

Опять будет это горячее безумие, стоны, хрипы, смех.

Когда всё кончится, как ни в чём не бывало начнёт щебетать о всяких пустяках.

Прощаясь назовёт меня вредным бациллоносителем.

А потом будет кашлять в телефонную трубку: - Какой же противный у тебя грипп...

А я отвечу:

— Наверное, птичий...

Самокрутка для мамы

Раздался дверной звонок. Катерина, чертыхаясь, встала из за стола и пошла открывать. На пороге стояла пожилая нянечка из детского дома, куда недавно определили сына Гришу.

Надо же, припёрлась в такую даль, через весь город!

— Вы бы, Екатерина Васильева, навестили Гришеньку, скучает ведь! Другие дети играют, рисуют, а он бумагу для рисования рвёт на полоски, говорит "для мамы".

— А когда мне навещать! У меня новый муж, строим отношения!

Из комнаты доносились пьяные голоса и запах табачного дыма.

— Катка! Где ты там?!

— Иду, иду!

Разговора не получилось. Когда женщина ушла, у Катерины в руке остались белые полоски бумаги, нарванные из альбома для рисования...

Моя «бывшая»

Недавно на улице нос к носу столкнулся со своей бывшей женой.

— Привет! Как тебя занесло в наши края?

— Привет! У меня подруга здесь живёт!

Наверняка врёт! Уж не подбирается ли она ко мне снова? Может, прослышала, что я теперь свободен?

— Прекрасно выглядишь!

— Только что вернулась из Египта!

Заливай! Небось весь город оббегала в поисках солярия подешевле. Всегда была скупа до

невозможности.

— А как в личной жизни?

— Он бизнесмен! Имеет несколько магазинов в нашем районе.

Понятно! Торгует овощами на рынке или бодяжной водкой. Вместе же и бодяжат по вечерам.

Поговорили о старых знакомых. Попрощавшись, не выдержал, оглянулся.

Подумал::

— А может зря...

Сюрприз

Жена давно просила новый кухонный гарнитур. Я и заказал по телефону в одной известной фирме. Вот только мастеров у них не хватало. После моих настойчивых звонков, женский голос ответил:

— Если мастеров не будет, в конце дня сама приму заказ!

Ладненько! Вечером выхожу встречать. Я прямо обомлел, когда подъехала крутая тачка и

из неё вышла девушка необыкновенной красоты. Соседки у подъезда поразевали рты, а Толян мне заговорщицки подмигнул.

Так я и знал! Напрасно девушка вынула рулетку и разложила на столе какие-то эскизы.

Жена, когда вышла из ступора, сказала, что передумала заказывать гарнитур именно в этой фирме!

Так и живём со старым...

Ирина Галактина

Женские истины (сборник)

Ожидание

Она сидит у окна, распустив свои длинные пшеничные волосы. Её мысли вьются облаком вокруг Него. Где Он? С кем? Хорошо Ему сейчас или плохо? Может, Он нуждается в Ней, и вовсе не надо было так легко отпускать Его? Она обещала не звонить и сдерживает слово, хотя рука нервно перебирает кнопки телефона. Да, сейчас Она заставит себя отойти от окна, соберет растрепавшиеся волосы в хвост, и займется домашними делами. Она, наконец, возьмет себя в руки!

Но что это? Неужели Она слышит Его шаги? Или все же показалось? Дверь резко распахнулась.

— Мама!

Сын кинулся к Ней на шею. Ее мучению пришел конец.

Утро

Проснулась, сладко потянулась. Вставать не хочется. Открывать глаза тоже. Интересно, кто дома? Прислушиваюсь. За окном щебечут птицы. Других звуков нет. Даже через закрытые веки чувствую, какое ласковое за окном солнышко. Сейчас мама приготовит завтрак

и позовет меня к столу. Интересно, чем сегодня она меня побалуует? Пытаюсь унюхать запахи с кухни, но нос ничего не улавливает. Сырники, омлет, блинчики отпадают. Их запах давно бы дошел до моего обоняния. Наверное, мама хочет удивить меня каким-нибудь дивным йогуртом. Или не йогуртом. Но все равно удивить.

— Мама! — вдруг послышалось из соседней комнаты.

Ой, чего же я лежу-то? Надо быстрее встать, ведь мама-то теперь я.

Настроение

Как же отвратительно пахнет в больнице! Едкий запах лекарств, смешанный с сомнительными ароматами, доносящимися из столовой. Лена лежит под капельницей. Брезгливо наблюдает, как по потолку ползает жирная зеленая муха. На душе уныло и пасмурно.

Так хочется оказаться дома на своем мягком диване в окружении любимой семьи.

Увидеть бы их хоть глазком! Но, увы, уже четвертый раз она вынуждена созерцать больничные стены. Вроде бы пора привыкнуть к обстановке, но нет. Устойчивое отвращение никак не желает отступать.

— Ну что, мамаша, ребеночка кормить будем? — молоденькая медсестра внесла в палату розовощекого крепыша. Тоска Лены улетучилась при виде чмокающих губок сынишки. Он у неё четвертый!

Скорая встреча

Нина лежит в темноте с закрытыми глазами. Сон никак не приходит. В последние годы Нина уже привыкла к таким бессонным ночам. Однако очень хочется поскорее провалиться в тот сон, который она видит на протяжении уже многих лет. Алеша обнимает её за плечи, горячо целует, она ощущает запах табака, чуть солоноватый вкус его губ, потом слышит невыносимо пронзительный гудок паровоза и просыпается. Алеша погиб в далеком 1944. А Нина так и не встретила мужчину, хотя бы чуть похожего на него. Поэтому Алеша так часто приходит к ней во сне со своим прощальным поцелуем. Ничего. Скоро они будут вместе навсегда. Осталось немного.

День рождения

У Марии сегодня день рождения. Она в нарядном платье, которое так удачно оттеняет её каштановые локоны и темные глаза. Прихорашиваясь, она не может оторваться от зеркала, постоянно подкрашивает своей помадой пухлые губки. И, конечно же, в такой день именинница ждет гостей. Особенно ей хочется, чтоб пришел Андрей, ведь она его так любит! И, кажется, это взаимно. А ещё Маша с нетерпением ждет подарков. Ну, признайтесь, а кто из вас не любит подарков, да ещё в такой день?! И вот долгожданный звонок в дверь. Маша засияла, увидев Андрюшу на пороге. Андрей поцеловал именинницу в щечку. Так начался Машенькин четвертый день рождения.

Автор рисунка:

Ainifpa Malakion

Напали Зеленоглазая

Ты меня потерял,

променяв на чужой листопад

Еще сутки назад даже небо открыто смеялось,
а сегодня с утра — ледящий надежду оскал.
Мне казалось тогда, что и мира нам целого мало,
но сегодня разлукой отчаянной правится бал.

Еще сутки назад все казалось привычным и милым,
и улыбка твоя мне сияла в томленье луны.
Ты ворвался в судьбу под заката чужого мотивы
и ушел в никуда с Ней за руку, но дни сочтены.

Нет, не плачу, поверь! И ты знаешь, мне даже не больно,
я привыкла ходить по осколкам разбитой мечты.
И пусть крылья измазаны терпко-соленою кровью,
даже если скрываюсь в объятьях седой пустоты.

Запах кожи забуду и взгляд, что спасал от утраты,
постараюсь сбежать из счастливых и сказочных снов,
Но тебе обещаю, любимый, что с первым раскатом
с грустью вспомнишь меня и, как я колдовала любовь.

Ты не сможешь забыть, как с тобой о луне говорили
или просто молчали в полночной глуши невпопад.
Когда грань затиралась меж сказкой и призрачной былью,
ты меня потерял, променяв на чужой листопад.

Только знаешь за боль в этой жизни приходит расплата,
та другая уйдет на десятый закат октября.
И в душе станет тесно, как в тусклой забытой палате,
и захочешь вернуться ты ко мне на рассвет навсегда.

Кофе с корицей

Кофе с корицей и страсть аромата
в сумерках ночи, накинувшей плед.
Вместе закат мы встречали когда-то,
чувства истерлись, прочитан сонет.

Снова луна тень мечты нарисует,
дрогнет рука - давит память опять.
Терпко-ночная на небе колдунья
сможет лучами за плечи обнять.

Вспомнится лето, так жарко пьяняще,
в августе вечер и свежесть мечты.
Счастье, что было тогда настоящим,
нежность любви, что ждала впереди.

В сердце остались осколки. Да ладно...
"Сильная", - ты мне всегда повторял.
Знаешь, не больно, а просто досадно,
кофе с корицей на чай променял.

Расскажи, кто она...

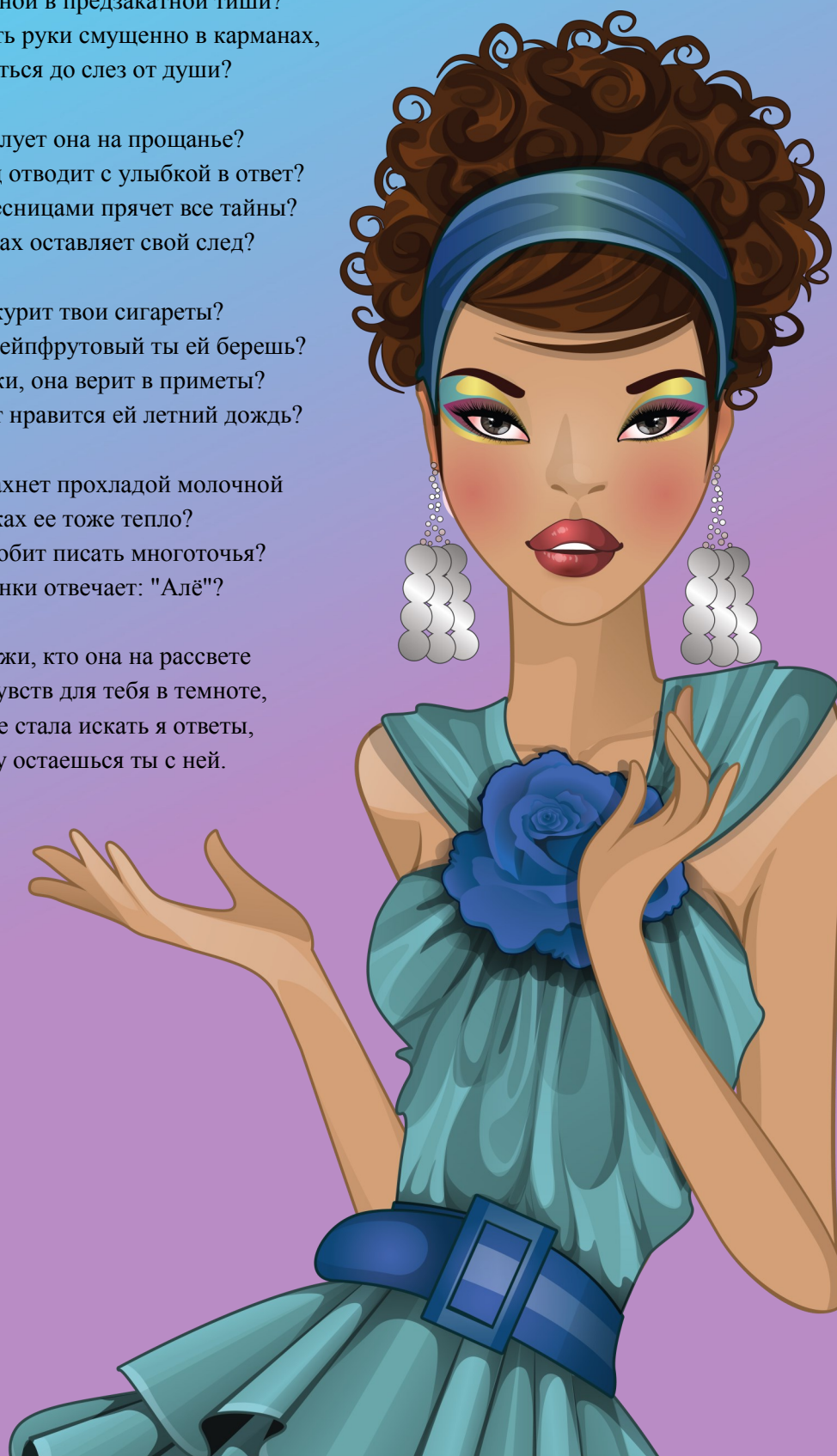
Ты скажи, она любит молчанье
под луной в предзакатной тиши?
Прятать руки смущенно в карманах,
и смеяться до слез от души?

Как целует она на прощанье?
Взгляд отводит с улыбкой в ответ?
Под ресницами прячет все тайны?
На губах оставляет свой след?

Тоже курит твои сигареты?
Сок грейпфрутовый ты ей берешь?
А скажи, она верит в приметы?
Может нравится ей летний дождь?

Она пахнет прохладой молочной
и в руках ее тоже тепло?
Она любит писать многоточья?
На звонки отвечает: "Алё"?

Расскажи, кто она на рассвете
этих чувств для тебя в темноте,
чтоб не стала искать я ответы,
почему остаешься ты с ней.

Мы пили с подружкой на кухне чай и болтали о том и о сём, вспоминая о прошлом, когда мы были такими молодыми, а жить, вдруг, стало так страшно... людей убивали за деньги, за квартиры, и просто потому, что не дали закурить... на улицах не горели фонари, часто слышались выстрелы и никто даже помыслить не мог о том, чтобы без острой нужды выйти из дома после того, как стемнеет...

— Помнишь, Ленка, девяносто четвёртый–девяносто пятый года?! По ночам палили из автоматов, и я тряслась от страха, ожидая мужа со службы...

Однажды, поздней осенью 1994 года, когда снег ещё не выпал, и от этого на город после заката опускалась непроглядная темень, я, уложив детей спать, привычно встала у окна — ждать мужа. Ты ведь помнишь, Ленка, мобильные телефоны прочно вошли в нашу жизнь лишь несколько лет назад, а тогда, в девяностые, и городские-то были далеко не в каждой квартире... Так что когда он вернётся домой, я не знала.

Любимый мой служил тогда в военкомате и во время очередного призыва, поздними вечерами и ночами, ходил в «гости» к призывникам и, пока они протирали сонно глаза, вручал им повестки...

Надо сказать, что днём из нашего окна открывался чудесный вид — детский сад и школа с огромным стадионом, все вокруг утопает в зелени, но ночью... ночью это место становилось таким же жутким, как «Зона» братьев Стругацких, и именно с той стороны должен был возвращаться домой муж. Двенадцать ночи... час... половина второго... я вглядывалась в темноту, пытаюсь разглядеть хоть что-то, как вдруг её прорезали вспышки, и я услышала стрельбу со стороны школы.

Нет! Осмыслить свои дальнейшие действия я смогла лишь на следующий день. Схватив куртку, едва прикрыв за собой дверь, стремглав понеслась к стадиону. Как не переломала в темноте себе ноги — одному Богу известно — ведь не видела ничего дальше своей руки. Впрочем, руки я тоже не видела... но разве думала тогда об этом?! Страх, что любимого могут убить, гнал меня сквозь крошечную тьму...

Бах! Удар был такой силы, словно я налетела на бетонный забор. Ноги мои оторвались от земли, воротник куртки врезался в горло. Стало трудно дышать. Я, как котёнок, которого подняли за шкурку, болтала ногами где-то в полуметре от земли.

— Ты куда, дура?! — котёнка пару раз ощутимо встряхнули и приподняли повыше, пытаюсь разглядеть. — Ты куда, дура?! Не слышишь, там стреляют!

«Если меня ещё пару раз встряхнут, я точно начну мяукать, как котёнок», — мелькнуло в голове...

— Отпустите! Там... там мой муж!

— Так!.. — земля резко ударила по ногам и я, потеряв равновесие, ткнулась головой в живот своему визави. Мой собеседник от неожиданности охнул.

— Кто муж?! — рявкнул он.

— Ка-капитан... с повестками ходит!

— Дура! — интересно, а другие слова он знает?! — Нет там твоего мужа! — мои ноги опять взлетели над землей и покачались из стороны в сторону. — Ты где живёшь, дура?!

— Здесь! — в полной темноте показала рукой на дом, в котором одиноко светилось наше окно, — Пустите!

— Хм!.. щас! Шустрая больно! Тебя пусти, а ты под пули?! Братки на шорох стреляют со стопроцентным попаданием в абсолютной темноте! Домой!

Он дотащил меня за шкурку до лифта и, дождавшись, когда откроются двери и тусклая лампочка осветит пространство перед ним, заглянул мне в лицо. Снова хмыкнул...

— Не придёт он. Дура ты, птаха!. А муж твой ещё больший дурак, что не лежит сейчас рядом с тобой в постели и не тискает тебя. Дома жди мужа!!! — вдруг рявкнул он на весь подъезд и запихнул меня в лифт, — Жми кнопку! Нет, подожди! Дети-то есть?!

— Двое...

— Дура!

Лифт поехал... на ватных ногах я дошла до двери. Он прав! Он тысячу раз прав: какая же я дура! Какой муж, если дома оставались двое беззащитных спящих малышей! Дура и есть!

Погасив свет, я ещё несколько минут постояла у окна. На меня накатила жуткая усталость. Спать. Конечно же, он не придёт...

Утром набрала рабочий номер мужа.

— У тебя всё хорошо? — спросила я.

— Да. На день рождения вчера ходил. Остался ночевать. А что ты хотела?! — вдруг резко повысил голос любимый. — Автобусы после десяти уже не ходят, да и постреливают. Опасно!

Да, тысячу раз прав мой ночной визави: дура. Вот тогда-то я и дала себе слово: перестать бояться за мужа и всё время помнить о детях.

С тех пор много утекло воды, но я всегда себе напоминаю: «Помни только о детях!».

Улыбнувшись друг другу, мы с подружкой молча чокнулись чашками с чаем.

Автор рисунка: Аи́нффа Малакион

Валентина Демидова-Кайма

Спасибо тебе, милый, что ушел!

(под музыку Антонио Вивальди)

*«Интенсивно растет то, что мы регулярно подсчитываем,
измеряем, оцениваем, чем эмоционально интересуемся,
что носим в голове, и о чем часто говорим»
(из лекций Валерии Евгеньевны)*

Альбина пришла на курс к Валерии, потому что не знала «за что хвататься». Дома двое сыновей. Им она не хотела показывать свои слезы. Нет, не из гордости, а затем чтобы не разжигать ненависть к отцу. Да, ушел, не помогает. Он теперь весь в заботах и хлопотах: молодая жена, новорожденная дочь. Мальчикам и так тяжело, и обидно до слез. Отец всегда был занят, дома деловые звонки не прекращались. Редко, как праздник, выходил на стадион и играл с сыновьями в футбол.

Последние три года стали жить лучше. Появился достаток. И мальчикам в школу ходить не стыдно, все взносы вовремя сделаны. И одеты в новое. И первый раз на отдых к морю съездили. За двадцать лет брака никому не должны! Альбина всегда поддерживала мужа. Сама хваталась за любые подработки. Будучи медсестрой, брала дополнительные ночные дежурства, бегала по району с уколами и капельницами. На сыновей нарадоваться не могла, ими дышала.

А любила ли мужа? Так не думала об этом, вместе выживали, сыновей поднимали. Не до романтики было. А так, конечно, любила. Он у нее всегда в чистом. Еда в доме всегда приготовлена та, которую он любит, простая, но в искусных руках Альбины все получалось «пальчики оближешь». Муж гордился своей Алькой, которая все успевала по дому делать, несмотря на работу и подработки.

— Глаза закрываю, она еще хлопчет, открываю, она уже хлопчет!

И за сыновей был благодарен, ему всегда было приятно в кругу новых знакомых, когда заговаривали о детях, говорить: «У меня два сына!». И ловить завистливые взгляды тех, у кого получались только девочки. Но вот влюбился. И ни сыновья, ни преданная жена не смогли удержать его.

Вдруг оказалось, что он всегда о дочке мечтал. И что блондинки ему нравятся больше, чем шатенки. Да и влюбленность молоденькой сестры новоявленного приятеля не могла ни воспламенить сердца, которое уже многие годы билось строго ритмично. Душа, освободившись от бытовых тягот, захотела романтики. И все ей, этой самой душе уже немолодого мужчины было мило, и украдкой брошенный взгляд, и недосказанность далеко идущих намеков, и пунцовые щеки в ответ на компонент, и бурная радость при виде подарка.

Он, конечно, помучился, немного, принимая решение оставить семью. А теперь и не вспоминал о ней, так много хлопот пришло в его жизнь с молодой женой и ее мамой, новорожденной дочерью, да и бизнес не оставлял времени оборачиваться назад. Все! Точка! Дал что мог. Сыновья уже мужики — выдюжат и мать-«старушку» поддержат.

Прошло два года. Альбина, женщина под пятьдесят, миловидная, с хорошей слегка полноватой фигурой, что ни сколько не портило ее, а только усиливало женственность, органичную всем ее движениям, голосу, светлой улыбке, производила впечатление человека, у которого все хорошо. А при беседе тет-а-тет была откровенна.

— Первый месяц, как муж ушел, срывалась на истерики, а слезы то и дело катились из глаз. Но, видя, как мальчики переживают, быстро спохватилась. Стала пользоваться макияжем, чтобы не плакать (а то тушь потечет), изменила прическу и перекрасилась, в ту самую... блондинку. Старший сначала даже хотел институт бросить, чтобы мне помогать, отговорила: «Справимся сынок, мы к роскоши и не привыкали». На тренинги у психотерапевта денег нет, так я кучу книг по психологии перечитала, поумнела, ошибки свои увидела.

Но сердце, как будто каменное стало, ничто не радует. А тут новая беда — опухоль пока «добрая», но растет, как на дрожжах. Умирать мне нельзя, мой младший только в седьмом классе.

— Давайте двигаться поэтапно, — начала Валерия, — что будет через полгода, увидим, а сегодня наблюдаем, какие мысли приходят в голову и отбираем только полезные, светлые. А на физическом плане штурмуем четвертый уровень/ Дома успеваете вспомнить об этом?

— Как Вы советовали, памятки везде разложила, да и сыновья рады, что после Ваших занятий снова петь начала, так что забыть не дают.

Для себя Валерия давно решила не заниматься фантазиями о счастливом будущем, а сейчас жить так, как будто это будущее уже наступило. То же самое она рекомендовала своим курсантам.

— Забегание вперед лишает нас многих эмоций. Когда исполняется желанное, мы находим некоторые несовпадения и именно они перетягивают на себя внимание, а радости становятся бледнее, предвкушая, мы их уже, скажем так, обглодали со всех сторон.

Поэтому, чтобы насладиться нетронутым «блюдом», будущее рисуем карандашом, этаким эскизом. И мы не знаем, как будем радоваться потом, в момент исполнения. Придет это самое потом, вот тогда и узнаем! А сейчас учимся жить так, как будто эта мечта превратилась в нашу повседневность.

Ну, например, вам подарили автомобиль. Бурный восторг вы будете испытывать в первые часы, а потом ... да, машина, ее надо заправлять, ставить на охрану и так далее, она стала частью вашей жизни, НО СДЕЛАЛА ЕЕ КОМФОРТНЕЕ.

Так вот, нам надо оставить первые часы будущему, а жить в том состоянии, где есть то самое ощущение комфорта.

Обращаясь ко всем, но лично для Альбины она уточнила.

— Живите так, как будто болезни нет. А есть цель — поднять уровень здоровья. А значит, не о болезни думаем и не ее измеряем, а подсчитываем «деньги» в банке своего здоровья и старательно каждый день трудимся, чтобы там прибывало.

При встречах, прежде всего, интересовалась, сколько? Все знали, речь идет о здоровье, которое считать надо ежедневно. Альбина поверила и старательно занималась.

Через два месяца призналась.

— Не знаю, что получится, но одно уже есть, сердце ожило, опять чувствует и ... снова хочет любить и быть любимым!

Через полгода опухоли не стало.

— Я опять здорова! Жаль, что возраст...

— Да, у нас среди ровесников трудно найти себе пару. Не буду вдаваться в подробности, эта тема всем известна. А вот за рубежом наши женщины до 65 лет востребованы как жены. Подумайте об этом.

— Так я кроме английского, со словарем, языков не знаю.

— Вы свое фото и краткое резюме разместите в журнале, а там разберутся. Кроме того русскоязычных на Западе много, а менталитет и образ жизни не наши. Нарисуем такой эскиз, раз сердце просит?

Летом Валерия брала себе отпуск, а в сентябре вновь встречала своих курсантов. Но Альбины среди них не было. Можно было бы через общих знакомых узнать, что и как, но это не была бы Валерия. Она же обратилась к Тишине и, получив ответ, что все хорошо, оставила все вопросы для личной встречи, в которой не сомневалась.

Прошло еще пять месяцев, и Альбина пришла на занятие, вновь шатенка, глаза лучатся. После занятия сама подошла к Валерии и, попросила диск с записью тренировки, которую та сама составила и музыку подобрала.

— Я заплачу, сколько скажите, но без нее не уеду! — и лукавые глаза выдали счастливое сердце.

— Далеко? — улыбалась в ответ Валерия.

— В Канаду! — и, радостно ловя удивление Валерии, продолжила: — Сама себе удивляюсь, — быстро раскрывала свои секреты Альбина, — вышла замуж, учу французский. Старшему сыну муж (понятно, что новый) помог перевестись для дальнейшей учебы в Лондон. А младший с нами. Муж в восторге от того, что я каждый день делаю гимнастику, а его сестра просит, чтобы я организовала группу, она и ее подруги ждут, когда я начну с ними заниматься. У меня абсолютно другая жизнь, я так счастлива!

— Наверное, сейчас можно бывшего мужа поблагодарить за то, что ушел?

Валерия знала ответ, но хотела услышать, что это именно так, что обид нет и в помине, а есть усвоенная формула в школе под названием «Жизнь на Земле» — «нет худа без добра», или «не было бы счастья, да несчастье помогло».

— Да, да, да! И от всей души, в пояс ему кланяюсь: «Спасибо, милый, что ушел!»

Прошло несколько лет. Подтянутая, довольная и уверенная, Альбина, разыскав Валерию, уже немного важничая, рассказывала о своей жизни.

— Уговорила мужа перебраться на юг Франции, мне там очень климат подходит, — прочитав в глазах своей наставницы вопрос, поспешила добавить: — Но «нить Ариадны» из рук не выпускаю и, то, что любовь, как фруктовое дерево, требует внимания, тоже помню.

Наталья Эпкеева

Мама. Даша. Вера

В красном углу ее дома вместо икон — календарь.
Главные даты выделяет хозяйка ярко, у нее их всего-то пара:
день рождения дочки, что попал в аккурат на декабрь
(в Новый год оказалась щедра судьба на подарок),
а вторая дата ни разу не состоялась.

Нет, конечно, число год от года случалось, ставилось на полях
в тетрадах взрослеющей Даши. Да и мать становилась краше
раз в году: наносила помаду, в платье к лицу и с шеей в духах
суежилась по дому, выводила сервизную утварь маршем.

В полночь плакала за двоих и шептала сумбур-молитву.

Время верности не преграда, надо только суметь привыкнуть.
Она сумела: и к нему за две ночи, и к годам без него,
к тишине, подрывающей нервы.
Он вернется. Пускай не сегодня, но
не готовить — нельзя, не одеться — тоже. Чисто женское суеверье.

Как бы выдержать и дождаться...

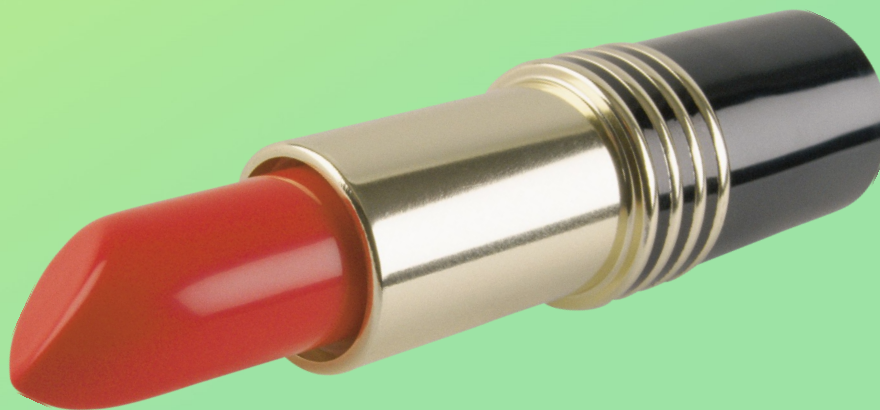
— Он вернется.

— Да как же, мам?! — Дарья в двадцать страдает из-за
несекрета, что жизнь её — сувенир от отца на память.

— Не вернется! - не верит Даша (в календарь и в парад сервиза).

— Успокойся, увидишь скоро.

Обещал он, — сказала мама,
уходя за помадой новой: старая стерлась под корень.

Стареющая Ассоль

У него было клятв про венчанье и рай —
что в саду невзошедших настурций.
У него было жён в пестроте городов —
что в груди Её сколов и трещин.
Море жёстко сказала, мол, я не для всех,
и в него не берут теперь женщин;
Их берут только в мыслях в качели кают
(а не вспомнят — уже не вернуться).

Ждет Она много лет, на песке нагадав,
что судьба быть второю Ассолью.
Ходит нагло молва, будто сходят с ума
от годов ежедневного плача.
Но любви всё равно, будет парус какой
трепетать под макушкой у мачты,
Был бы якорь и трап, чтоб спустился вниз Грей,
похудевший под бризом и солью.

Да, порой мечты — крест, потому и Ассоль
называют стареющей девой.
Но за ширмой скалы в тишине хорошо
развлекаться немим монологом:
«Море-горе-вода, самодурка и дрянь,
под каким, интересно, предлогом
Порвала на куски тело тверди-земли,
разбросалась направо-налево?

Вот и пишут протест по краям берегов
отпечатки ног верных чудачек...»
Год за годом идут, новостей нет и нет,
врет надежда, ничуть не краснея.
Старой деве Ассоль одного сильно жаль,
что беременной стать не успеет.
Как давно сказал Грей: «Я вернусь к тебе, верь!
Только стану чуть-чуть богаче».

И Ассоль его ждет, удивляясь порой,
почему до сих пор не устала.
Морю, жаль, не сказать: «Грей сто лет не моряк,
обзавелся женой, сыновьями!»
Воды в пене несут мятый фантик-квадрат —
попадающий в тон с парусами.
«Получила, Ассоль? Не ругайся потом.
Как могло, я тебе намекало».

Я желаю тебе всего мира,
Бесконечно менять города,
Чтобы в каждом ждала квартира
С грустной женщиной возле окна.

В тихий омут приём горячий,
Нежность пальцев, покорность губ,
Не принять, что могло б это значить,
От души пожелаю, мой друг.

Жить свободно, удачливо, ярко,
Не во власти занудных часов.
От дороги дожидаться подарков,
А от неба — попутных ветров.

Не давать никому своё слово,
Океан на стакан не менять.

И когда мы увидимся снова,
Я желаю меня

не узнать.

Автор рисунка: Аирифа Малакион

R.-D.
19.11.06

Проводив Любу до ее подъезда, я вернулся на Кронверкский проспект и не спеша двинулся в сторону размытого вечерним туманом и мелкой изморосью нового здания станции метро «Горьковская», своим силуэтом в большей степени навещающего на мысли о космосе, чем о подземелье.

Вот бы меня забрали бы инопланетяне в какое-нибудь необыкновенное путешествие и приключение, невольно подумал я, отвлекли бы от серых питерских будней. Каждый день по телику по какому-нибудь каналу рассказывают про счастливых столкнувшихся с инопланетной цивилизацией или чем-то потусторонним и таинственным, сидишь перед экраном и тихо завидуешь, пусть понимаешь, что все это бред и выдумка ради повышения рейтинга.

Хоть еще и виднелись остатки былых зимних сугробов, а под ногами то и дело начинал предательски скользить ледок тротуарный, в прохладном воздухе уже явно витал привкус весны.

Расслабленный накопленным на недавно закончившемся «корпоративе» хмельком и мелькающими в сознании мыслями о космических мирах я добрал до дверей любимой «Идеальной Чашки» и вплыл в шум ее зала.

Потоптавшись пару минут в очереди за двумя бесполоми существами в спущенных мешковатых по моде джинсах, подцепил за блюдечко чашечку с дымящимся эспрессо и прошел в зал для курящих. Мест не было, зал был заполнен шумной молодежью, пятничный вечер, будь ты неладен!

Увидав мою растерянность, женщина, сидевшая одна за столиком у окна, взяла со свободного стула свое пальто и сумку, переложила их на широкий подоконник и указала мне на освободившееся место.

— Не помешаю? — на всякий случай спросил я.

— Не попробовав, не узнаете, — голос у нее был низкий с чуть простуженной хрипотцой. Я устроился напротив нее. Пригляделся: на вид лет тридцать пять-сорок, черные волосы, темные карие глаза, яркая помада и родинка в левом углу рта. Перед ней стояла пустая чашка, а в пепельнице курилась дымком недокуренная сигарета. Я отхлебнул кофе и тоже достал курево.

— Позволите? — решил быть галантным, потому как сидеть молча нос к носу было не ловко.

Она слегка пожала плечами и кивнула:

— Не мучайтесь. Не надо выдумывать тему для беседы, люди считают, что самая подходящая о погоде.

Я закурил:

— Скоро весна.

— К тому, что там, — она кивнула на окно. — Это слово вряд ли подходит. Предпочитаю зелень, солнце и плеск моря.

Она сидела, закинув ногу на ногу, и над столом возвышалась красивая коленка, обтянутая телесного цвета капроном (или как там теперь называется то, из чего делают то, что так соблазнительно обтягивает женские ножки). Было очень любопытно посмотреть, соответствует ли остальная часть ноги этой коленке. Но для этого надо было бы подвинуть стул или наклониться вправо, а это, наверняка, было бы замечено и не известно какую бы реакцию вызвало. Нет, не подумайте, я не бабник, даже скорее, наоборот, в том смысле, что практически постоянно прибываю в одиночестве, но это не значит, что нельзя доставить себе удовольствие, рассматривая

красиво-аппетитные фигурки окружающих нас женщин, особенно, когда еще бродит по телу выпитый за здоровье «любимого шефа» коньячок.

Кстати, вспомнил, у меня же, как обычно, во внутреннем кармане куртки лежала плоская фляжечка с любимым армянским. Как показывал опыт всех «корпоративов», шеф хоть и любимый, но жмотистый, поэтому вечно не хватает, вот я и приноровился таскать с собой добавку.

Допив кофе, достал сокровище, хотел плеснуть себе, но заметил улыбку, даже скорее ухмылку, своей соседки и спросил:

— Не желаете?

— Желаю, — и она пододвинула ко мне свою пустую чашку с разводами кофейной заварки и пенки, а когда я поднес фляжку к краю чашки, положила на фляжку свой указательный палец с длинным ярко красным ногтем ровно на то время, которого хватило, чтобы оставить меня почти совсем без запаса алкоголя. — Спасибо.

Я вздохнул и вылил остатки себе, дороговато мне обошелся свободный стул, но, черт с ним, по моему, дома оставалась еще пара капель.

Мы чокнулись чашками и выпили.

Блин, все же интересно, что там с ногами. Какой длины юбка? Ведь самое будоражащее — это увидеть несколько сантиметров спрятанных под юбкой не зависимо от ее длины — будь это мини, или тебе показали только щиколотку. По дурному устроен мужской организм и мужское воображение. Видать, вступил коньячок в мои владения! Мысль-то куда потекла, будь ей не ладно!

— Вы так не переживайте, — проскользнул поверх моих размышлений своей умопомрачительной хрипотцой голос женщины напротив. — Не все потеряно, — и она рассмеялась, искренне и дружески.

Она потянулась к сумке на подоконнике, при этом, для сохранения равновесия на неустойчивом стуле, ей пришлось, откинуться назад и поставить ноги одну рядом с другой, чуть выставив их в проход между столиками. Вот тут я смог с в полной мере оценить, что коленка соответствовала всему остальному. Стало немного жарко, и я скинул куртку туда же на подоконник.

Тем временем, не обращая внимания на мои манипуляции с одеждой, она достала на свет фляжку очень похожую на мою, но украшенную невероятно сложным и непонятым вензелем

— Это моя, можно сказать, домашняя настойка или бальзам, как кому нравится называть.

Она плеснула несколько капель в мою чашку и столько же в свою. Я с сомнением заглянул на чуть прикрытое доньшко.

— Попробуйте, может, не понравится, — посоветовала она.

Я глотнул. Эффект был охрененный — сочетание вкусов каких-то неведомых трав и обжигающий гортань градус напитка. Я зажмурился и затряс головой.

— Обалдеть! — наконец выдавил я.

— Я рада, что вам понравилось. Кажется, пора познакомиться. Меня зовут Пассионе, можно кратко — Пасся. Странное, я понимаю, имя, но у каждого родителей свои закидоны.

— Лева, — и я протянул ей руку.

Мы закурили, поглядывая в окно на прохожих. Дождь превратился за это время в мокрые хлопья снега, которые, медленно кружась и живя в воздухе, мгновенно умирали и исчезали, касаясь асфальта.

— Если вам понравилось, может вы хотите еще? — она вопросительно покачала передо мной своей фляжкой.

— Хочу, — согласился я, не задумываясь о рецепте того, что мне предлагают.

Еще по несколько капель, и она встала, изогнувшись над столиком, чтобы дотянуться до пальто на подоконнике и дать мне в полной мере оценить то, напротив чего я сидел столько времени, наслаждаясь видом всего лишь коленки:

— Пора.

Восприняв это как команду, я вскочил, натянул куртку и последовал за ней в промозглую, надвигающуюся на Питер, весну.

На улице, крепко взяв меня под руку, она перешла на «ты»:

— К тебе?

Как вы думаете, что я ответил?

В моей двухкомнатной квартире на Съезжинской улице, оставшейся мне от родителей, она уверено прошла на кухню и поставила на стол непонятно как уместившуюся в ее маленькой сумочке непочатую бутылку моего любимого армянского коньяка.

Да, какое-то время мы еще пили, а потом началось то, ради чего мы пришли сюда, и это было неопишимо и не подвластно разуму. Мне казалось, что в моих ушах звучала невероятная симфония, начавшаяся блюзово-саксоновым томительным вступлением, во время которого моя партнерша превратилась в многорукое индийское божество, ласкающее одновременно все точки моего тела. Затем вступил симфонический оркестр, сквозь который все более явственно проступала fuga Баха, одобренная рвущей душу Блэкморовской гитарой. Периодически эти звуки стихали, и пространство заполнялось бешеным трэшем «Metallica», перемежавшимся с глубинным голосом Choen — «I'm your man», потом опять Бах, опять «Metallica» и так бесконечное число раз. Ритм казался непереносимым, и вот длительный и нарастающий взрыв из «The Wall» Pink Floyd, и убегающая в даль умиротворяющая трель гитары Марка Нофлера с примесью тягучих нот ожидания продолжения Summertime.

Кажется, потом я уснул мгновенно, но это мне точно не известно, потому что, проснувшись утром, я явственно помнил только все, что сопровождало вчерашнюю симфонию, которая, казалось, до сих пор звучит во мне.

Я открыл глаза. Скомканная простыня, одеяло чуть прикрывало мои ступни, немного знобило, но, как это не странно, не было должных признаков похмелья, организм жил, голова была светла, во рту присутствовал легкий вкус неведомых трав с мятным привкусом.

Я прислушался. Тишина. Сквозь шторы пробивался свет весенне-серого дня, по подоконнику перестукивались ленивые капли дождя, скрипнул на повороте рельсами трамвай — жизнь продолжалась.

В прихожей не было пальто моей гостьи, дверь была заперта. Странно, я специально ставил замки, которые нельзя захлопнуть, не хотелось выступать перед соседями в роли инженера Щукина из «Двенадцати стульев», на всякий случай проверил куртку — ключи были на месте. Но думать, как ей удалось запереть за собой дверь, не хотелось, было лень.

Вернулся в комнату, на столе лежал лист бумаги, придавленный моим мобильником, прочитал: «Если забыл, меня зовут — Пасся, мой телефон...». Взял свой телефон, нажал «зеленую трубку» — последний набранный номер соответствовал написанному в записке, понятно, мой номер она захватила с собой.

Пора начинать день, значит, пора пить кофе, я распахнул дверь и шагнул на кухню. Дыхание перехватило, по голому телу побежали мурашки. Окно было открыто и весь, неизрасходованный зимой за последние месяцы, холод скопился на моей кухне. Неужели мы так накурили вчера, что надо было распахивать окно? Надев халат, вернулся к плите и начал колдовать над кофе. Склонившись над горячим напитком, прикурив и сделав первую за день затяжку, которая и определяет начало дня и кажется сладкой, возвращающей мозг из небытия сна в реальность, бодрящей и окончательно утверждающей, что ты еще жив и полон сил, а грядущий день принесет

что-то незабываемое, я задумался, пытаюсь понять, что же вчера произошло, и как я к этому произошедшему отношусь.

Произошло понятно что, меня откровенно «сняли». Хотя я и не грешил этим занятием в силу своего характера, но наиболее часто употребляемое в мужском разговоре значение этого незамысловатого слова я знал. А потому отдавал себе отчет, последствия чего до сих пор звучит в моем теле и мозгу. Я оскорблен? Нет. Я жалею? Нет. Я в чем-то перед кем-то виноват? Нет. Все эти ответы давали мне возможность расслабиться и насладиться воспоминанием о вчерашнем вечере или ночи.

Чтобы вы не мучились вопросами, объясню.

Я, мужчина, по имени Лев, возрастом в целных сорок восемь лет, по паспорту и по жизни не женат, работаю программистом в частной лавке, где всего-то сотрудников человек двадцать, и одна из этих сотрудников есть никто иной, как Люба — женщина сорока лет, одинокая, без детей, спокойная, не навороченная (в отличии от секретарши нашего шефа — не является любовницей шефа, жмот он), в меру стройная для своих лет, в меру красивая, в меру следит за собой, но не в меру сводит меня с ума уже, как минимум, лет шесть.

Если вам интересно, а вам интересно, иначе бы вы не дочитали до этого места, у нас с Любой (Любовью Владимировной) был роман, служебный или нет, не знаю. Служебный роман это что? Когда секс только на рабочем столе? А если в квартире у одного из нас, то это уже не служебный? Ладно, это все же видать, какое-то похмелье все же есть, потому и занудствую. Короче, был у нас роман целых, наверное, месяцев шесть, а то и семь. Мы, как полагается, занимались сексом, ходили в кино, в ресторан, выезжали за город, готовили вместе еду и даже сделали ремонт у нее на кухне.

Но вот что было неправильно, это то, что для меня было важно, чтобы наш роман продолжался, а для нее, похоже, он был так, от скуки и одиночества, потому, как следствие, он для нее закончился, а для меня продолжается. Спокойней всего я себя чувствую, когда рядом с ней, например, на работе, и даже не важно, что нет уже между нами ничего, вроде как друзья, благо живем рядом, потому и провожаю после пьянки, или, если задержимся, помогаю кое в чем, она не против, но роман, как роман сдулся сам собой, не нужен он ей был. А я? Что я? Когда совсем припрет, я иду к ней во двор, сажусь на лавку под окнами, и мне теплеет: вот она на кухне свет зажгла, значит, ужин готовит, вот тень мелькнула в сторону раковины — посуду моет, вот свет в комнате зажегся, потом погас, мелькает только отсвет — телевизор смотрит, вот все погасло — в ванну ушла, вот в спальне тускло сквозь занавески — торшер — читает перед сном, вот и торшер погас, посижу еще, спокойной ночи Люба, и поплетусь домой.

Вот есть у меня такая личная жизнь, и, как это не странно или не обидно, но она меня устраивала, и не искал я ничего другого.

Выпивка, ну да. Что ж я алкоголик? Нет, я так думаю. Вечерком пропустить стаканчик-другой, это нормально, я же не напивался. Да и бывало, что если какая книга или фильм захватит, так и забывал налить. Наверное, это одиночеством и называют, но у меня-то не совсем оно, у меня Люба есть. Вернее не у меня, но и ни у кого другого ее нет, поэтому считаю, что у меня.

И вот вчера...

Что это было? Я изменил Любе? Вроде смешной вопрос, потому как ей-то на это плевать, и знать она не знает, что я у нее под окнами торчу и считаю, что наш роман продолжается. Получается, что вчера «встретились два одиночества»? Но что-то в этой встрече было не так. А что? Если бы я ее снял, то все было бы в норме? Я мужчина — я снял, я удовлетворился.

Что-то еще было не так. Эмоциональность секса и ощущение в памяти, что аж молнии в комнате моей сверкали в процессе, что-то было, что меня смущало, не от скромности, а потому что не соответствовало представлениям о случайной связи.

Возникает вопрос, буду ли я ей звонить? На этот вопрос я не мог ответить в течении всего дня субботы, хотя и возвращался к нему и смотрел на оставленную записку, почти уже и телефон наизусть выучил...

Звонок:

— Алло.

— Ты так и будешь в сомнениях капаться? Я уже у твоей двери. Открывай.

Опять за меня решили.

Опять кухня. Опять коньяк, опять ее колени, ноги, грудь, губы, родинка...

— Мне надо будет улететь, — сказала она после очередной рюмки.

— Куда?

— По делам.

— А чем ты занимаешься?

— Это важно? У каждого свои дела. Я же тебя не спрашиваю.

— Надолго?

— Нет.

Были еще какие-то слова, и я точно помню, что был трезв, но вот в уши полился саксофон и, не дожидаясь Баха и трэша, я кинулся к ней...

Я проснулся, когда еще было совсем темно, потянулся к мобильнику, нажал какую-то кнопку, вспыхнул экран — два часа тридцать две минуты, а в постели я один. Поворочался, встал, захотелось пить, вышел на кухню, где опять распахнуто окно. Вот, блин, нельзя же до такой степени не переносить накуренность помещения, если сама куришь. Закрыл окно, попил воды и вернувшись в комнату завалился спать, засыпая подумал, куда же она ночью?

Разбудил настойчивый звонок в дверь, за шторами просыпалось раннее утро. Накинув халат, поплелся в прихожую, не думая, распахнул дверь. На площадке стояла Пассионе в платье и босиком. От этого зрелища сон улетучился мгновенно.

— Зачем окно закрыл? — спросила она, проходя мимо в сторону кухни.

Я молча поплелся за ней, впад в состояние полного отключения и прострации.

Она плеснула себе в стакан из недопитой вчера вечером бутылки, вытащила из валявшейся на столе пачки сигарету, выпила, закурила и села на табурет, закинув ногу на ногу так, что стало видно ажурную резинку ее чулок.

— Зачем? — устало повторила она. — Я же говорила, что мне надо будет улететь. Я же сказала, что не надолго. Не думала, что ты проснешься за это время.

Видимо, мой вид мог объяснить больше, чем вопросы и слова.

И она расхохоталась. Долго хохотала, а потом вскочила, обняла меня, расцеловала, отпустила, опять села.

— Ты так и не понял, что мне надо не надолго слетать?

— Нет. Ты кто?

— Ну, наконец-то. Да ведьма я, ведьма, ты, как вчера родился, дуралей.

Ноги подкосились, и я плюхнулся на соседний с ней табурет.

— О! Черт! Как с вами тяжело! — затрясла она головой. — Ну, что ты на меня так смотришь? Дела у меня были. По вашему, человечьему, «стрелка» называется. Слет у нас был, вотчины делили. Все, как у людей, все, везде одинаково. Что ты так на меня смотришь? Что-то плохо? Плохо со мной? Отвечай?

— Нет.

— Что, нет?

— Не плохо.

— Не плохо? Да, со мной не просто не плохо, со мной так, как ни с кем у тебя не будет. Только окна не надо запирать, я бы вернулась, оделась и улетела до следующего раза. И все бы было отлично! Все бы было хорошо! Что тебе не спится?

На меня, вдруг, снизошло спокойствие:

— Не психуй! Если улетела, вернулась бы тем же путем.

— Не могу я сквозь стены ходить, ранг не тот.

— Ну и не возвращалась бы. Пальто жалко стало?

— Дурак. Понравился ты мне. Классно с тобой!

— Приворожила бы, куда бы и не делся.

— Дурак и есть дурак. Ты думаешь, почему ты со мной? Приворожила, еще там, в кафе, в первый вечер. А ты не хрена не понял, дурак. Вернее мужик, все вы тупые. Думаешь, это ты меня выбрал и заманил? Все вы так думаете, а выбираем-то мы. Бальзама моего попробовал и поплыл. Слабак, тебе ножку покажи и на край света пойдешь, на все плюнешь, себя владыкой считаешь, ан нет, это тебя выбрали, а не ты!

— Что же ты без бальзамчика не смогла бы?

— Да так проще и быстрее. Сами не так действуете? А?

— Ну, победила. Чего бесишься? Что не так? Видно же. Или там, на шабаше вашем, что-то случилось?

— Все там нормально. Грустно мне. Все не в жилу. Я же все понимаю, потому и улетаю под утро. Хуже нет, дожидаться, когда ты проснешься после секса, а в глазах тоска и мысль одна: какого хрена ты тут делаешь, когда секс закончен? Все было хорошо, но все кончили, пора по углам. Я же вас мужиков знаю! Самое противное после секса в глазах эту тоску увидеть и молчание услышать, все, мол, удовлетворился, о чем еще говорить? Что бы дальше было бы, если бы ты окно не запер и думал, что я баба простая и трахаемся потому что ты такой крутой? Да все ясно, в ближайшем будущем искал бы со мной встречи каждый день, пока не перестала бы быть в новинку, потом реже, или я бы тебе поднаедала или ты мне. Потом бы объяснял, что занят на работе, устал и вся эта херня...

— А как же приворот?

— Что приворот? Он действует. Но вы же люди еще другое слово для объяснения своей слабости придумали, идиоты, любовь насочиняли, все испортили, все! Прекрасно понимаю, что не будет у тебя ни с кем кроме меня такого секса, всю жизнь помнить будешь. Но не будешь, никогда ты не будешь, у меня под окнами без надежды на что-то сидеть, как у своей этой Любви, которая не рыба не мясо. НЕ БУДЕШЬ НИКОГДА!

Даже сквозь закрытые окна в кухню сочилась весна, и я, вдруг, отчетливо почувствовал, что именно в эту минуту проснулась Люба.

Поэтический абсент

В мартовском номере мы рассказывали нашим читателям об интересном проекте, под названием «Поэтический абсент». Спустя 4 долгих месяца и 6 этапов, наконец-то, определился победитель первого конкурса этой замечательной группы. Им стал Михаил Макрушин. Ниже вашему вниманию будут представлены стихи победителя.

Мы надеемся продолжить сотрудничество с «Поэтическим абсентом» и будем обязательно сообщать обо всех их конкурсах и проектах.

Михаил Макрушин

Падает небо

Падает небо, темнея. В кафе за углом
Молодость брызжет осколками пьяного смеха.
Дом опустел за два дня — ни улыбки, ни эха,
Улица стала беззубой, трясущейся, ветхой.
На фотографии с выпуска замер альбом.

Падает громкость и будто застыл метроном.
Деланно яркими едут пустые трамваи.
Ей не сдержаться, и вид за стеклом, расплываясь,
Тонкие струйки на бледном лице оставляет.
Все еще хочется верить в ужаснейший сон.

Падает сердце, но нужно себя превозмочь.
Счастье оставило вещи, любимые диски,
Фотоальбом и дневник заводной активистки.

Завтра такой молодой, беззаботной и близкой
Мать похоронит шестнадцатилетнюю дочь.

В путях изгибистых веток в двенадцать часов
Гибнет последний фонарь за больничным окном.
Как ледоколы вскрывают кору полюсов,
Рыхлыми шрамами ангельский лик испоров,
Грудь дико рвет тишина черным веретеном.

Слышишь? По глади беззвучия дернулась рябь!
В черной пустыне раздался нечаянный скрип
И диалог, но не ясно о чем говорят.
В ряби дрожит отражение - двое сидят:
Юноша в белом и в черном костлявый старик.

Меж визави разгорается шахматный бой:
Белые втиснуты в угол, у белых цейтнот;
Черные кони бегут, разломавшие строй;
Ферзь на D8 смеется, тряся головой.
Юная грудь заливается алым пятном...

Три сорок две.
Словно сердце зажали в тиски!
Врач торопливо бежит мимо спящих палат...

Черный старик над кроватью ревет шутовски.
Белый король немо катится мимо доски...

Белые начали.
Белые умерли.
Мат.

Каждому

У меня за окном ни проспектов, ни площадей -
Там стоят декорацией к лицам пустых людей
Заржавевший забор и ободранный куст сирени.
Стало быть, потому и не вышло стихотворений
Про раскрытые окна, любовь и обрывы сетей.

У меня за стеклом ненаписанный первый том —
Я в наушники мыслями впутан, навит винтом.
И от правого к левому борту окна-экрана
Ежедневно пройдя колеёй, из людского гама
Загребаю с лихвой вдохновенье своим
рюкзаком.

У меня за углом убивают за сто рублей,
И не важно — крещёный, муслим или даже
еврей.
Горлопанская вера. Молитвы сменяет пафос.
А на деле здесь чтутся Дионис да звонкий
Бахус,
И валентность равняют количеству хрустких
нулей.

У меня в соплеменниках каждый четвертый —
бог.
Он имеет нормальность, ведет свой настенный
блог,
Спекулирует фразами Гёте, Раневской и Канта,
И, конечно же, выделяется бриллиантом
Из толпы выделяющихся из толпы светлых
лбов.

У меня за окном образцовая эта жизнь:
Упоенные пляски, прикрытый брехней фашизм,
Суррогаты, живущие два из семи в неделю,
И блюстители права неправых в углах
метелят.

У меня за окном панорамы, с которых тошнит...

У меня на душе сорок кошек живут, скребя,
Да пустые качели, пугая во тьме, скрипят.
Но, пока есть желание жить, покорять и
взрываться,
Я дышу на стекло, я вожу по нему грязным
пальцем,
И рисую поверх безнадежности веру в тебя.

Ты уедешь

Ты уедешь из города, ведавшего твой сплин.
Поздней ночью. Накрытый дремотою, как
плащом,
Сквозь толпу провожающих, машущих окнам,
спин
Он тоскливо посмотрит, как прыгаешь ты в
вагон.

Так бросают любимых - с бессильной обидой,
но
С пожеланием лучших и красочных городов.
И глядят безучастно, как будто им все равно,
Задавив несогласие, съев его, переборов.

Так к рассвету взрываются вихрем, взметая
пыль,
Капюшоны срывая с голов или кровлю с крыш.
И иссякнув в истерике, выжегши гнев и пыл,
Заливают дождём мизансцены своих афиш...

И на скатерть небес снова лепят лимонный
блин,
И сыпают на улицы бусинками людей...

Ты уехал из города, сделав его желтый сплин
На еще одного удаленного друга желтей.

Ты уехал. А он вспоминает твои слова,
И не хочет любви этой странной делить ни с
кем.

Разливает янтарную грусть по своим дворам,
Как девчонка, что прячет признания в
дневнике.

Благодарности

Редакция газеты «Беседы у камина» выражает благодарность всем людям, которые помогали в создании 18 номера. А именно, Нине Гавриковой, Наталии Коденцовой, Дарье Кошевой и Юлии Ложкиной, за помощь в подборе материала.

А еще.... Еще хочу поприветствовать и поблагодарить нашего нового верстальщика — Лёну Скоробогатову. Именно она сверстала для нас такой красивый и красочный номер! Гип-гип ура!!!

Надеюсь, Лёна и дальше будет помогать нам в нелегком деле выпуска газеты для наших читателей. Еще раз огромное спасибо!

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>